

ЯМАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ XIX – НАЧАЛА XX В.

И. В. Побережников,

*канд. ист. наук, зав. сектором Института
истории и археологии УрО РАН*

Процессы модернизации имели не только временное, но и пространственное измерение. Они приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения страны (региона), ее места в мировой системе, цивилизационно-культурного и исторического наследия, специфики национального менталитета, уровня социально-экономического, политического и культурного развития на момент начала ускоренного роста и т.д. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). Модернизационные процессы разворачивались в пространственно определенных условиях, которые определяли возможности и ограничения для модернизации, навязывали ей определенный пространственный формат¹. Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несли отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания.

Территориальные (региональные и субрегиональные) общности могли по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте – выступать региональным фактором модернизации (например, Москва,

Петербург, Урал в Российской империи XVIII в.) или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, Юг в Италии или центральные и южные области в Испании XIX в.). Естественно складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не оставались неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней protoиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности²).

Специфические условия для модернизации возникали в странах фронта, которые продолжали осваиваться в модерную эпоху. К числу таких стран можно отнести США, Канаду, Россию, Австралию, Новую Зеландию. Особое значение для развития стран данного типа имели доступные пограничные области, которые служили не только источником богатства, но также и клапаном для разрядки социальной напряженности более плотно заселенных регионов, а также проблемы, связанные с миграцией, ассимиляцией, адаптацией в условиях освоения новых территорий.

Крайний север Западной Сибири (Ямальский регион) представлял собой периферию Российской империи в XIX – начале XX в. Тем не менее, интересно, в какой степени он испытывал импульсы модернизации, которая в указанный период разворачивалась в общероссийском масштабе.

¹ См.: Побережников И.В. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 55–65.

² См.: Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 447–502

Во-первых, очевидным проявлением модернизации являлись рационализация административно-территориального деления и разграничение компетенций центральных и местных органов власти, унификация структуры управления, ограничение возможностей для произвола властей, отделение суда от администрации, начатые в период петровских реформ. Новый аппарат местного управления, в том числе в восточных регионах России, в значительной степени был установлен по общероссийскому образцу. При этом несмотря на несомненные успехи в деле унификации системы управления на уровне центральных институтов, местное управление по-прежнему характеризовалось региональными и локальными отличиями, что в значительной степени обуславливалось сохранением традиционных структур низового управления. Как справедливо отмечает автор соответствующего раздела коллективной монографии «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления» В.В. Трепавлов, «на среднем уровне (губернско-провинциальном) во многом стихийно сложившаяся система XVII в. уступила место европеизированной шведско-германской структуре, введенной во всем государстве. Что же касается посадского, острожного и сельского уровней, то изменения здесь произошли чисто терминологические. Абсолютно не затетыми петровскими реформами оказались коренные народы Сибири»³. Управление Березовым и прилегавшей округой до начала XVIII вв. осуществляли воеводы, подчинявшиеся тобольским воеводам (а последние — Сибирскому приказу). В 1708 г. была учреждена Сибирская губерния, разделенная в 1719 г. на три провинции — Тобольскую, Иркутскую и Енисейскую. После 1736 г. провинции в свою очередь делились на воеводства и дистрикты. Одним из воеводств Тобольской провинции являлось Березовское. В 1782 г. вместо единой Сибирской губернии с центром в г. Тобольске было создано наместничество, по-прежнему

располагавшееся в Тобольске и состоявшее из двух областей — Тобольской и Томской. Первая из них включала 9 округов, в том числе Березовский (самостоятельный округ в Сургуте был ликвидирован, а его территория в 1804 г. вошла в состав Березовского округа).

В 1822 г. Тобольская губерния стала частью новоучрежденного Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Административная структура Березовского округа в конце XVIII-XIX в. принципиально не отличалась от других округов Тобольской губернии. Исключение составлял период с 1854 до конца 1860 годов, когда березовская администрация по решению правительства стала называться военно-окружным управлением, а ее глава — военно-окружным начальником. При этом начальниками назначались офицеры военного ведомства с двойным подчинением (тобольскому гражданскому губернатору и генерал-губернатору Западной Сибири) и большим объемом полномочий.

В 1803 г. в связи с большими пространствами и малонаселенностью сибирские округа были разделены на комиссарства во главе с частными земскими комиссарами. Березовский округ был поделен на три таких комиссарства, каждое из которых занимало не менее сотни тыс. квадратных верст — Обдорское, Кондинское и Сургутское. К 1840-м годам комиссарства переименовали в участки с теми же названиями, сохранившимися до конца XIX в. Соответственно, комиссаров сменили земские участковые заседатели. Подобная схема управления по-прежнему не позволяла оперативно контролировать ситуацию в районах, удаленных от Березова на многие сотни верст.

В конце 1890-х годов в Сибири была проведена очередная административная реформа. Вместо округов были учреждены уезды. Кроме того, изменения коснулись и административных границ. Березовский уезд значительно уменьшился в размерах, поскольку из округа выделился самостоятельный Сургутский уезд.

Внутри уезд делился на 11 волостей, сформированных по сословно-этническому признаку. Три волости именовались рус-

³ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 71.

скими, восемь — инородческими. Среди инородческих выделялись две вогульские (мансийские) — Ляпинская и Сосьвинская, 5 — остяцких (хантыйских) — Обдорская, Куноватская, Подгородная, Кодская и Казымская, одна самоедская (ненецкая) — Обдорская. Впоследствии в состав Ямало-Ненецкого национального округа вошли две Обдорские и Куноватская волости, а также часть Туруханского края Енисейской губернии⁴.

Административно-политический фактор играл значимую, порой опережающую, роль в процессе освоения и интеграции восточных регионов России, что в целом подтверждает тезис о ведущей роли государства в процессе собирания и устройства земель, создания основных отраслей отечественной экономики. Направления, темпы и результаты развития восточных регионов России в XVII — начале XX вв. определялись как действием объективных факторов, характеризующих собственный потенциал той или иной территории, так и — в весьма значительной степени — политикой, проводимой самим государством по отношению к данной территории. Политика государственной власти по отношению к регионам характеризовалась сложной и динамичной структурой, постоянными трансформациями иерархии составляющих ее элементов в зависимости от роли и места, которые отводились той или иной территории в решении текущих и перспективных задач общегосударственного масштаба на разных этапах развития страны. При этом постоянной величиной оставалось пристальное внимание, которое центральные органы государственной власти уделяли вопросам административного управления реги-

онами. С начала XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, в том числе местного. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Сибири практически до рубежа XIX—XX вв. несли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. При этом необходимо признать, что формально-бюрократические, фискальные мотивы в целом преобладали над прочими в процессе административно-территориального устройства восточных регионов в имперский период.

Во-вторых, общероссийские модернизационные процессы нашли проявление в интенсификации хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны. Основой подобных процессов являлось заметное ускорение темпов освоения крайнего севера Западной Сибири. Важная тенденция данного этапа — это необратимый теперь уже процесс формирования постоянного русского населения на Обском Севере. Крупнейшим центром концентрация оседлого русского населения с начала столетия становится Обдорск, в котором в 1857 г. проживало уже 271 человек русских; в с. Мужевском числилось 15 душ обоего пола, в с. Кушеватском — 72 души, в с. Полноватском — 18 и т.д. К концу XIX в. численность русского населения в крае заметно выросла. Так, по данным всероссийской переписи 1897 г. в с. Обдорском проживало 1249 чел., в с. Кушеват — 70 чел., в с. Мужа — 60 чел. Немногочисленные русские семьи жили в юртах Шурышкарских, Вандиязских и Шута⁵.

⁴ См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 217—223; Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. С. 104—109; Ямал: грань веков и тысячелетий / Популярный иллюстрированный очерк истории края с древнейших времен. Салехард-СПб., 2000. С. 333—338; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.) / Сборник документов. Тюмень, 1994; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века): Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999.

⁵ Миненко Н.А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 262—263; Ямал: грань веков и тысячелетий... С. 346—347.

В экономике районов крайнего севера Западной Сибири складывается многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения. При этом традиционное хозяйство аборигенов в значительной степени подвергается деформации под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала. Проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду приводит к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в сферу русского рыбопромышленного предпринимательства, товарного рыболовства.

Со временем на первое место по сумме товарооборотов в местной торговле выдвинулся Обдорск, что было обусловлено его выгодным месторасположением на пересечении традиционных маршрутов оленеводов и обской водной коммуникации, позволявшей завозить товары с минимальными издержками. Сами обдоряне, постоянно проживая в Обдорске, выполняли посреднические функции.

Решающий импульс развитию обдорской торговли был дан в 1825 г. с учреждением одноименной ярмарки (в 1860-е годы она продолжалась с конца декабря до 25 января, в начале XX в. — с 1 по 20 января, в 1912 г. — 15 декабря—15 января). Среди привозных товаров на Обдорской ярмарке ведущее место занимали пищевые продукты: ржаная мука, печеный хлеб, коровье масло, чай, сахар, водка, табак, фабричные и кустарные ткани (сукно, ситец, бумазая, холст), украшения из меди и стекла, скобяной товар (ножи, топоры, котлы, кремни и огнива, железные листы для костров), промысловое снаряжение (порох и свинец, ружья, капканы, сети, неводы и нить-мережа для их изготовления). Основными аборигенными товарами на ярмарке являлись пушнина, оленьи шкуры, мороженая рыба, пух и перо, кедровый орех и т.д. К середине XIX в. ярмарка в Обдорске становится крупнейшей на Тобольском Севере. В 1858 г. ее оборот составил 56,8 тыс. руб. по официальным данным. Кроме Обдорской ярмарки места постоянного торгового оборота на Обском Севере существовали в городах Березове и Сургуте, в селе Мужи, уступав-

шие, правда, по своим оборотам Обдорску Пушнина, вывозимая из Обдорского края поступала на Ирбитскую, Нижегородскую, Архангельскую ярмарки; рыба сбывалась преимущественно в Тобольской, Пермской и Вятской губерниях⁶.

Долгосрочные торговые отношения связывали русских и северные народы. Ярмарочная торговля укрепляла экономические и бытовые связи между жителями отдельных районов. Ярмарки Северного Приобья стали местом регулярных встреч пришлого и коренного населения — носителей различных культурно-бытовых традиций. Торговый обмен способствовал возникновению и развитию у народов Крайнего Севера Западной Сибири товарно-денежных отношений, товаризации традиционных промыслов, включению коренных народов в общесибирский и общероссийский рынок. Посредством торговых контактов в быт аборигенного населения постепенно проникали европейская посуда, предметы домашнего обихода; произошло перевооружение охотничьего промысла, распространение получили огнестрельное оружие и усовершенствованные орудия лова. Развитие промышленного рыболовства способствовало росту мобильности обско-уторского населения, которое втягивалось в работу по найму за пределами своих волостей.

Исследователь ярмарочной торговли Западной Сибири Т.К. Щеглова обращает внимание на сложный многоступенчатый характер системы взаимоотношений торгующих, сложившейся на северных пушных ярмарках⁷. На первом этапе охотники продавали свой товар обдорским купцам, беря у них в кредит товары. На втором этапе, который начинался с середины января, обдорские купцы перепродавали товары приезжим тобольским купцам, от которых сами находились в зависимости. Наконец, на третьем этапе товар доставлялся на Ирбитскую ярмарку для перепродажи. На каждом этапе участники получали доход от разницы между ценами при покупке и продаже.

⁶ См.: Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул, 2002.

⁷ Там же. С. 83.

Своеобразным экономическим интеграционным механизмом стала получившая широкое распространение на Севере в XIX – начале XX вв. так называемая кредитная система, игравшая решающую роль в торговом обмене аборигенов и русских. «Теоретически рассуждая, аборигены могли бы продать сами сырые продукты своих промыслов в городах и на вырученные деньги купить себе все необходимое. Но на деле, во-первых, инородец не всегда богат этими продуктами, а во-вторых, не имеет для этого перевозочных средств. У кого же есть собаки или лошади – дорога все равно не по карману из-за кормов, продовольствия и других затрат», – писал о сути кредитной системы С.К. Патканов⁸. Особенности кредитной торговли отмечал В. Бартенев: «Значительная часть товаров отпускалась в кредит, обдоряне старались ловить своих должников и те со своей стороны старались утечь от кредитора, чтобы продать свой товар за деньги, что гораздо выгоднее для ненцев. Прямо же на деньги довольно редко удавалось купить дешево..., при кредитной торговле получали прибыли в среднем 30–50%. При покупке же на наличные деньги в среднем 10–20%»⁹. Благодаря кредитной системе северные народы могли сдавать продукты промыслов на месте, получая взамен все необходимое. Раз в год, обыкновенно в декабре, торговец производил расчет со своими клиентами расчет: с одной стороны, учитывалась общая сумма долгов за год, то есть забранного товара, с другой же, – стоимость рыбы, ягоды и др. продуктов, принятых им в течение года. В зависимости от того, какая сумма оказывалась большей, торговец или выдавал им остаток или записывал долг в счет будущего года и снова открывал кредит. В меньшей степени от кредита зависели оленеводы, которым олени давали экономическую независимость и мобильность. Хозяйство оленеводов (северные ханты, ненцы, тазовские селькупы) отличалось

наибольшей автономностью. До середины XIX в. у них почти не было недостатка в пастбищах. Каждый род имел свои угодья; кочевники старались не мешать друг другу. Олени были главной заботой, транспортом для аборигенного населения; они давали им сырье для одежды, пищи, жилья. Охота и рыболовство имели в хозяйстве оленеводов вспомогательное значение. С русским населением «кочевники тундры» встречались в основном два раза в год: в январе и летом, когда приезжали сдавать ясак и менять излишки хозяйственной продукции (оленьи шкуры, пушнину, мороженую рыбу) на хлеб, чай, вино, табак, ткани, украшения и т.д. Отношения русских и ненцев-оленеводов характеризовались взаимной настороженностью. В то же время высокой была зависимость от кредита охотников дальних лесных угодий по притокам реки Оби (у них был товар, который необходимо было сбыть, но не было транспортных возможностей для его вывоза на продажу в городе). Прочные системы зависимости сформировались в XIX веке в рыболовстве. Крупные рыбопромышленники, арендовавшие угодья по реке Оби, обеспечивали своих клиентов-аборигенов необходимыми продуктами, платили за них ясак и казенные долги, обеспечивали рабочими местами на лето и выдавали орудия производства. Они поставляли соль, продукты питания и др. товары, вывозя обратно рыбу. Кроме того, они на месте занимались организацией работы артели, следили за посолом рыбы, платили за аренду; они же скупали затем обычно весь свободный улов¹⁰.

Необходимо отметить, что русские были не единственным экономическим агентом, способствовавшим внедрению товарно-денежных механизмов в хозяйство северного края. Не менее заметную роль в этом плане в

⁸ Цит. по: Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера в XIX – начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 159.

⁹ Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 135.

¹⁰ См.: Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1995. Т. I; 1996. Т. III. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 61–78; Ямал – знакомый и неизвестный. С. 142–161; Вануйто В.Ю. Торгово-обменные связи народов Обского Севера и русскоязычного населения в XVIII–XIX вв. // Самодейцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск: Омск, 2001. С. 93–95; Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера... С. 153–165.

Северо-Западной Сибири сыграли зыряне-ижемцы, появившиеся в Березовском округе в первой половине XIX в. и к концу столетия дисперсно расселившиеся в иноэтничной среде от р. Ляпин до Байдарацкой губы. С 1842 г. семьи коми стали постепенно оседать на р. Ляпин, образовав здесь со временем крупную зырянскую деревню Саранпауль. С 1847—1848 г. коми стали селиться в с. Мужы, где к началу 1890-х гг. насчитывалась уже более трех с половиной сотен зырян. В 1853 г. первая семья коми поселилась в Обдорске, а в начале XX в. здесь проживало уже около 100 семей коми. Будучи оторванными от первичного окружения и не наделенные казенной землей в Березовском округе (они оставались приписанными к Архангельской губернии), коми-ижемцы в значительной степени были вынуждены специализироваться на торгово-посреднической деятельности, в частности между Печорой и Обью. Зыряне-ижемцы привнесли изменения в характер тундрового оленеводства региона, придав ему ярко выраженный товарный характер. По мнению современников, у зырян оленей было больше, чем у ненцев, раз в 400; зыряне обеспечивали Север оленьим мясом, одеждой из оленьих шкур (гуся, малицы и пр.).

Коми-ижемцы усовершенствовали заимствованную у ненцев систему оленеводства: ввели лучший уход, больший забой скота из-за боязни падежей, передвинули сроки перекочевок на 3-4 недели, что позволяло сохранять молодняк и сокращало сами расстояния перемещений. Зыряне стали оплотом Обдорской ярмарки, выполняя здесь посредническую функцию между ненцами-олeneводами и приезжими русскими купцами. Коми-ижемцы скупали у ненцев оленьи и лосинные шкуры, шили из них одежду и продавали ее тобольским купцам. По свидетельству современника Л. Александрова, зыряне вполне заменили на севере евреев. Как только ненцы размещались со своими чумами у Обдорска, зыряне уже выезжали навстречу к ним для обмена шкур на водку. Обогатившись таким образом, они закрывались по домам и не выходили до конца ярмарки, распуская слухи о том, что в

Ижме цены выше и они повезут товар туда. Тобольские купцы вынуждены были поднимать закупочные цены. Как только последние доходили до намеченной зырянами суммы, они тут же начинали продавать скупленный товар. Как бы там ни было, ижемские зыряне создавали конкуренцию русским торговцам, не позволяя им монополизировать товарообмен с аборигенным населением¹¹.

Итак, хозяйственные механизмы в XIX в. начинают обеспечивать постепенную интеграцию крайнего севера Западной Сибири в экономическое пространство страны. Процессы хозяйственной интеграции отличала динамика ускорения. К рубежу XIX—XX в. экономика Обского Севера уже прочно подключилась к макроструктуре общероссийского рынка, оказывавшего на нее свое трансформирующее воздействие. Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товаропроизводящей значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственной деятельность.

В-третьих, модернизационные процессы вызвали рост интереса к окраинам как к источникам разнообразных ресурсов для растущей экономики страны. В этой связи показательна заметная активизация с начала XIX в. географических исследований на севере Евразии, в частности на Обском Севере, которые носили четко выраженный практический характер. Лейтмотивом этих исследований яв-

¹¹ См.: Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. М., 1991. С. 49—52; Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 98; Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия... С. 154—160; Туров С.В. К вопросу о роли коми-зырян ижемской группы в заселении и хозяйственном освоении тундровой зоны Северного Зауралья (первая половина XIX — 20-е гг. XX в.) // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003. С. 236—243; Повод Н.А. Первые коми-ижемцы в Березовском крае: история семьи Ф.З. Рочева // Там же. С. 447—450; Она же. Этнокультурное развитие коми-зырян Зауралья в конце XIX — начале XX в. // Этнокультурная история Урала XVI—XX вв.: Материалы международной научной конференции, г. Екатеринбург, 29 ноября — 2 декабря 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 237—238.

делся поиск водного пути между Белым морем и реками Сибири. В 1804 г. на имя иркутского губернатора Селифонтова поступила записка от частных лиц – коллежского советника Куткина и именитых граждан Зеленцовых о заключительных на 25 лет правах для их промыслов по берегам Ледовитого моря. Куткин и Зеленцовы предлагали «открыть путь давно правительством желаемый через Обскую губу для соединения северной торговли с европейскою». Авторы проекта планировали создать промысловые опорные пункты на берегах Обской губы, организовать полярные плавания из Оби на запад и на восток. Для этого они просили передать им на 25 лет монопольное право на ведение промыслов на Обском, Енисейском и Таймырском Севере от Вайгачского пролива (Карские Ворота) до мыса Северо-Восточного, у губы Таймырской, со всеми прилегающими к побережью островами. Министерство коммерции данное предложение не поддержало, опасаясь, что монополия на столь длительный срок поставит в невыгодное положение местных предпринимателей и создаст проблемы в продовольственном обеспечении жителей Тобольской губернии, для которых рыболовство в устье Оби и других сибирских рек имело большое значение.

Тем не менее, министр коммерции Румянцев активное участие в обсуждении вопроса о возможности устройства водного пути между реками Сибири и Европейским Севером. С подобной инициативой выступил капитан-лейтенант Ф.В. Веселаго. В 1806 г. департамент водных коммуникаций подготовил доклад «О соединении устья реки Оби с Карской губою», в котором делался акцент на недоиспользование природных богатств Сибири, вследствие чего ее жители «не имея средств доставлять их к местам, где сии произведения нужны, не радеют об их сохранении и еще менее стараются об их умножении». Для решения проблемы авторы проекта предлагали организовать судоходство между реками Западной Сибири и Европейской России, текущими в Северный Ледовитый океан и в Каспийское море. При этом предлагалось в первую очередь испытать тот ход, который

использовался промышленниками в XVII в. и который пролегал по рекам Мутной и Зеленой и связывал Карскую (Байдарацкую) губу с Обской. Одновременно планировалось провести исследование на предмет устройства каналов, которые связали бы уральские железодельные заводы с реками Европейской России и облегчили бы перевозку их продукции к Петербургскому порту.

Изыскательские работы было поручено провести экспедиции под руководством инженер-подполковника И. Попова. В конце лета 1806 г. Попов прибыл в Обдорск, откуда он выехал на север параллельно западному побережью Обской губы. Экспедиция провела обследование р. Юрибей на всем протяжении до ее впадения в Байдарацкую губу, водораздела между этой рекой и р. Иой, впадающей в Обскую губу.

Проведя исследования, Попов высказал сомнение в целесообразности устройства водного пути между Обью и Карской губою вследствие тяжелых ледовых условий Карского моря. Уже глубокой зимой участники экспедиции приступили к осмотру р. Соби, истоки которой близко подходят к рекам, впадающим в Печору. Река была исследована до ее истоков, лежащих в Уральских горах, откуда уже начинались истоки одного из притоков р. Усы, впадавшей в Печору. Попов убедился, что обе реки «начальное свое течение имеют малое, но далее вниз глубже и пространнее», и в итоге пришел к заключению о возможности соединения речных систем Оби и Печоры путем устройства канала с плотинами и шлюзами. Путешественник отметил преимущества устройства водного сообщения между Сибирью и Архангельским портом посредством соединения рек Соби и Усы по сравнению с районом между Обской и Карской губами: 1) он находится на 560 верст южнее; 2) суда не будут подвергаться опасностям от волнения во время плавания по Обской губе и от мелей в устье Оби; 3) отпадает потребность в огромном количестве строительных материалов, которые пришлось бы доставлять в безлесную тундру; 4) суда, которые будут направляться Обско-Печорской водной дорогой, не будут

в пути в Архангельск блокированы льдами Карского моря.

Однако из-за значительного спада во внешнеторговом обороте России вследствие участия страны в континентальной блокаде вопрос о вывозе на внешний рынок сибирских продуктов потерял свою актуальность, и правительство отказалось от реализации проекта устройства водного пути между Сибирью и Архангельским портом¹².

В 1825 г. по предложению Ф.П. Литке возобновились полярные исследования на Севере. Была сформирована Печорская экспедиция с целью проведения подробной описи Мурманского берега и изучения Белого моря, картирования силами двух отрядов берега Северного Ледовитого океана от Канина Носа до устья Оби и Енисея. Восточный отряд экспедиции возглавил И.Н. Иванов, который покинул Архангельск 19 декабря 1825 г. Было проведено исследование на о. Вайгач. Переправившись на ненецком карбасе на материк, Иванов в августе 1826 г. приступил к исследованию побережья к востоку от Югорского Шара. Перезимовав в Обдорке, экспедиция Иванова весной 1827 г. приступила к исследованию юго-западных и южных берегов Байдарацкой губы; затем он направился на север и провел картирование западного побережья п-ова Ямал. В следующем году Иванов исследовал северный и восточный берега Ямала. Итак, продолжавшаяся более трех лет экспедиция нанесла с большой точностью северные берега России от устья Печоры до вершины Обской губы¹³.

В 1854 г. правительству поступила просьба от П.И. Крузенштерна о предоставлении ему права неограниченной вырубке леса по берегам рек Печоры, Оби и их притоков на 5 лет. При этом Крузенштерн брал на себя обязательство открыть судоходный путь из Печоры в Северный Ледовитый океан. Крузенштерн предполагал со временем начать вывоз леса из Обского бассейна, либо посредством морского прохода из устья Оби в океан, либо после сооружения канала или волока между

притоками Оби и Печоры. Мореплавателем был убежден в государственной значимости открытия морского сообщения с устьем Печоры и Оби. Реализации проекта помешала начавшаяся Крымская война¹⁴.

Географические исследования морей омывающих северные берега Азии, позволили во второй половине XIX в. организовать торговое судоходство в Карское море. В 1876 г. шведский ученый и известный полярный путешественник А. Норденшельд на пароходе, предоставленном русским золотопромышленником А. Сибиряковым, доставив партию заграничных товаров в устье Енисея, после чего морское сообщение с устьями Оби и Енисея стало регулярным¹⁵.

В качестве проявления модернизации можно рассматривать и рост миссионерско-просветительской деятельности на крайнем севере Западной Сибири. Вообще начало христианского миссионерства и массового распространения православия среди коренных народов Северо-Западной Сибири относится к началу XVIII в. Однако северных волостей данный процесс коснулся тогда поверхностно. К 1770-м годам удалось крестить менее 500 остяков Обдорской и Куноватской волостей, но большая их часть, как и практически все самоды, оставались язычниками¹⁶. Примерно с середины XIX в. миссионерская деятельность на Обском Севере активизируется. Хотя христианизация коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, у отдельных групп населения сложились синкретические формы верований. Трансформировались нормы обычного права; новыми темами и образами

¹² Там же. С. 192.

¹³ Ямал: грань веков и тысячелетий... С. 239—243.

¹⁴ См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь ... ; Ямал: грань веков и тысячелетий ... С. 330—346; Главацкая Е.М. Когда умолкнут все бубны... или Сказ о том, как царь Петр решил крестить язычников Сибири // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. II. С. 52—66; Она же. А был ли выбор? Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712—1715 гг. // Там же. Екатеринбург, 1999. Вып. III. С. 82—102; Николаев А.П. Приходская община новообращенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII века / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.

¹⁵ Пасецкий В.М. Арктические путешествия россиян. М., 1974. С. 36—42.

¹⁶ Там же. С. 144—146.

обогатилось искусство северных народов. Стало распространяться просвещение. Гораздо более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов (изменения в жилище, летней одежде, системе питания; внедрение покупных вещей вместо традиционных; трансформация производственных технологий).

На протяжении XIX – начала XX в. крайний север Западной Сибири оставался во власти традиции. Тем не менее, общестрановые модернизационные процессы оказывали

влияние на регион. К началу XX вв. были достигнуты определенные успехи в интеграции крайнего севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Однако процессы интеграции протекали неравномерно и в различной степени захватили компоненты общества. Реальностью края оставались полиморфизм, многоукладность в сфере социальных отношений, в экономической области, в институционально-политической и в социокультурной.